

СЕРИЯ КНИГ ПО ВСЛЕННОЙ ФОНДА S.C.P.

КНИГА 1

SCP Foundation

Secure, Contain, Protect

Алекс Краас

ОБЪЕКТ 049

ЧУМНОЙ ДОКТОР

ИСТОРИЯ ОБЪЕКТА

S.C.P. -Фонд по борьбе с паранормальщиной

Aleks Kraas

**Объект 049-Чумной
доктор История объекта**

«Автор»

2026

Kraas A.

Объект 049-Чумной доктор История объекта / А. Kraas —
«Автор», 2026 — (S.C.P. -Фонд по борьбе с паранормальщиной)

Первая книга из серии о вселенной фонда по борьбе с мистическими объектами и явлениями. Книга 1-повествует об истории появления опасного и в то же время умного Объекта фонда под кодом 049 -Чумной доктор. Окулись в мир мистики

© Kraas A., 2026

© Автор, 2026

Aleks Kraas

Объект 049-Чумной доктор История объекта

ГЛАВА 1. СМЕРТЬ В ЭЛЬЗАСЕ

Той весной колокола звонили без продыху. Не радостным переливом, созывающим к мессе, а глухим, рубленным гулом — по покойнику. Тела выносили из домов, прикрыв дерюгой, складывали на телеги, и те ползли по узким улочкам Эльзаса к общей яме за городской стеной, словно жирные чёрные жуки. Говорили, что зараза пришла с юга, из Марселя, на кораблях, гружённых пряностями и шёлком; что она просочилась в колодцы, что её разносит ветер, что иудеи отравили воду по наущению дьявола. Говорили всякое, но правда оставалась одна: смерть косила всех — праведных и грешных, младенцев и стариков, епископов и шлюх. Словно Господь отвернул лик свой от земли.

Гийом стоял на коленях у постели умирающего и не чувствовал ног. Каменные плиты монастырской больницы вытягивали тепло даже сквозь грубую рясу послушника. Пахло ладаном, рвотной желчью и кислым потом — запахом, который уже месяц как вёлся в стены так, что его не выжигали ни дым жаровен, ни настойки из полыни. Перед ним, в мятущемся свете свечи, лежал ещё живой человек. Звали его Анри-мельник. Ещё три дня назад он таскал мешки с мукой, а теперь его кожа почернела, словно обугленная изнутри, и в паху вздулся бубон размером с голубиное яйцо, горячий на ощупь и лиловый, как грозовая туча.

Отец Бенедикт, больничный капеллан, монотонно читал отходную, не приближаясь к ложу. Его руки, сложенные на требнике, заметно дрожали, а голос прерывался всякий раз, когда умирающий издавал хрип. Гийом знал: старый капеллан до смерти боится причащать зачумлённых, потому что дыхание их считает погибельным. И всё же он строил из себя пастыря, бормоча латинские стихи, в которых не осталось ни на йоту сострадания.

— ...et lux perpetua luceat eis... — голос сорвался на визг, когда мельник вдруг выгнулся дугой и зашёлся кашлем.

Гийом подался вперёд, подхватил умирающего, пытаясь удержать на тюфяке. Его пальцы легли на влажную, горячую грудь, и в тот миг он увидел это.

Не физическое — нет. Поверх черноты кожи, поверх вздувшихся вен проступала тонкая, как паутина, сеть изломанных линий, мерцающих тусклым багрянцем. Она пульсировала, расползалась от бубона к сердцу, к голове, словно корни ядовитого растения. Никто, кроме Гийома, её не замечал. Отец Бенедикт, утирая пот со лба, глядел сквозь эту жуть, не воспринимая. Монахини, менявшие припарки, касались тела, но не вздрагивали. А Гийом видел. Видел с той самой ночи, когда сам горел в лихорадке, когда перепуганный брат-лекарь уже начертил мелом крест на двери его кельи, а потом болезнь вдруг отступила, оставив его живым, но другим. Словно завеса перед глазами истончилась, и сквозь неё проступило движение самой смерти.

Это было «Поветрие». Он ещё не знал этого слова, но уже дал ему имя в сердце — Скверна.

Мельник умер, не дождавшись отпущения грехов. Тело обмякло, сеть погасла, будто лопнувшие струны, и осталась лишь обычная мёртвая плоть, которую поспешили обрядить в саван. Отец Бенедикт, облегчённо вздохнув, закрыл книгу, быстро перекрестился и удалился в трапезную — промочить пересохшее горло. Гийом же остался сидеть на холодном полу, сжимая в кулаке край дерюги, в которую только что кутали ещё живого человека.

— Он уже был мёртв, — прошептал он. — Задолго до последнего вздоха. Скверна сожрала его изнутри, а вы молились пустоте.

Никто не ответил.

Три дня спустя он впервые встретил мэтра Корбена. Случилось это на задворках, куда Гийом отправился выносить золу из очага. У крольчатника, прячась за кучей прелого сена, сидел человек в застиранном, но некогда богатом дублете с чужого плеча. Лицо его было изморожено морщинами, но глаза — живые, острые, как у сокола. В одной руке он держалдохлого кролика, а в другой — узкий нож с костяной рукоятью. Он что-то сосредоточенно резал, склонившись над тушкой так низко, что почти касался её носом.

Гийом замер. Вскрывать животных в аббатстве было запрещено категорически — это считалось дьявольским копанием в творении Божьем. Но страх быстро уступил место жгучему, почти болезненному любопытству. Забыв об остывающей золе, он подошёл ближе.

— Что вы делаете? — спросил он, и голос его прозвучал глухо.

Человек не вздрогнул. Он поднял взгляд, бегло осмотрел послушника, отметил и босые ноги, и грязную рясу, и — задержался на глазах. На тех самых глазах, что видели больше, чем дозволено.

— Ищу причину, — ответил он. Голос имел неприятный, скрежещущий тембр, но слова слетали с губ чётко, как у школяра. — Этот зверёк пал не от ястреба и не от старости. Внутри у него что-то гнило. Видишь?

Он раздвинул рёбра двумя пальцами, обнажив тёмное, нездоровое пятно на лёгком. Гийом, подавив тошноту, всмотрелся. Там, на границе видимого и невидимого, опять проступила знакомая багряная сеть, только слабая, едва заметная.

— Там порча, — сказал юноша, не узнавая собственного голоса.

Мэтр Корбен (а это был именно он — бывший хирург из Страсбурга, изгнанный из гильдии за то, что осмелился вскрыть человеческое тело, дабы понять природу чумных нарывов) улыбнулся краем рта. Улыбка вышла кривой и совсем не доброй.

— Обычный брат сказал бы «гниль» или «чёрная желчь». А ты говоришь «порча». Не боишься, что за такие речи тебя потянут к инквизитору? Сожгут вместе с моими книгами, ибо дьявольское любопытство — ересь.

Гийом не ответил. Ему было не до страха. Три месяца он смотрел, как люди умирают, а молитвы не помогают. И если этот странный человек мог хоть что-то объяснить, хоть на вершок приоткрыть завесу над тем, что пожирает плоть изнутри, он готов был рискнуть.

— Я хочу знать, — произнёс он твёрдо. — Научите меня.

С того дня Гийом начал вести двойную жизнь. Днём он прислуживал в больнице: подавал питьё, держал тазы, читал Писание над обречёнными, слушал проповеди о смирении и Божьей каре. Ночью же, когда колокола умолкали и аббатство погружалось в тяжёлый, прерванный стонами сон, он пробирался в заброшенную крипту под старой часовней, где мэтр Корбен устроил себе убежище.

Крипта была сырой, затянутой паутиной, но хирург сумел навести в ней своеобразный порядок. На грубо сколоченных столах лежали инструменты: пилы, крючки, ланцеты, баночки с мазями, а в углу, прикрытое плащом, хранилось нечто, о предназначении чего Гийом сперва боялся даже думать. Позже он узнал: это было тело умершего от чумы бродяги, выкупленное за пару медяков у могильщиков.

Корбен учил без сантиментов. Он заставлял юношу чертить схемы расположения внутренних органов, запоминать латинские термины, показывал разницу между здоровой тканью и некротической. Поначалу Гийома тошнило. Запах формальдегида ещё не был известен миру, и единственными средствами были уксус и дым тлеющих трав, но это слабо помогало. Однако

через несколько недель юный послушник привык. Вернее, очерствел. Его разум — пытливый, острый — быстро отделил себя от отвращения, оставив лишь холодный интерес.

Именно в те часы он впервые услышал слово «анатомия».

— Церковь учит, что тело — храм души, и рыться в нём грешно, — говорил Корбен, препарируя очередного кролика. — Но если храм построен архитектором, кто мешает изучить кладку, чтобы понять, отчего рушатся своды? Глупость человеческая страшнее чумы. В Болонье, в Провансе, врачи тайно режут трупы и уже знают, что бубон — не кара небесная, а скопище заразы, которую можно выпустить. Но здесь, в Эльзасе, скорее сожгут учёного, чем выслушают.

— Но то, что я вижу, — не просто зараза. Это... — Гийом осёкся. Он до сих пор не решился рассказать наставнику о своих странных прозрениях, опасаясь, что его сочтут безумцем или, хуже того, одержимым.

Корбен, однако, заметил его колебания и вдруг спросил напрямую:

— Ты ведь видишь больше, чем я, верно? Когда ты смотришь на умирающего, твои зрачки расширяются, и ты держишься так, будто перед тобой костёр адский, а не просто больной. Рассказывай.

И Гийом рассказал. О багряных нитях, о пульсирующей сети, о чувстве, что внутри каждого зачумлённого сидит нечто чужеродное, паразитическое, не принадлежащее ни миру плоти, ни миру духа. Он говорил долго, путаясь в словах, ожидая насмешки. Но мэтр Корбен не засмеялся. Он отложил инструмент и, прищурившись, посмотрел на юношу с новым, хищным интересом.

— Гуморы? — прошептал он сам себе. — Нет, больше похоже на астральную проекцию болезни... или... Знаешь, что такое «клиническая смерть»? Некоторые, кто побывал на грани, возвращаются иными. Ты, мальчик, переболел чумой и выжил. Возможно, смерть оставила в тебе свой знак. Ты обрёл второе зрение — не дьявольское, а, скорее, противоестественное. И оно может стать ключом.

— Ключом к чему?

— К исцелению. К тому, чтобы не просто резать бубоны наугад, а видеть корень. Видеть ту самую Скверну, которую ты описываешь, и бить прямо в неё.

Гийом почувствовал, как холодок бежит по позвоночнику. До этого момента его видения были проклятием. Теперь же ему предлагали сделать их орудием. Он посмотрел на свои руки — длинные чуткие пальцы, уже привыкшие к скальпелю. Руки будущего лекаря.

— Я готов, — сказал он. — Что я должен делать?

Развязка наступила быстрее, чем он предполагал. Через несколько дней в больницу поступила девушка — дочь булочника, Клэр. Ей едва исполнилось семнадцать, и она угасала с той же неумолимостью, что и прочие. Но в её случае Гийом увидел нечто иное: багряная сеть в ней была не просто густой, она была упорядоченной, словно ткань, сотканная сознательно. Она двигалась, вибрировала, и юноше почудилось, что из глубины тела за ним наблюдает чужой, нечеловеческий разум.

Он не отходил от её ложа. Менял компрессы, поил настоем ивы, читал над ней не псалмы, а собственные, лихорадочно придуманные заклинания — полумолитвы, полуформулы. Ничего не помогало. К вечеру третьего дня Клэр впала в беспамятство; отец Бенедикт соборовал её, но отказался вложить облатку в запёкшиеся уста — боялся. А Гийом, стоя на коленях рядом, вдруг понял: если он хочет хоть что-то изменить, он должен действовать сейчас. Не молиться, а резать. Увидеть врага вблизи.

Он дождался, пока все разойдутся, и под покровом темноты, завернув тело в рясу, вынес девушку из больницы. Она ещё дышала — хрипло, прерывисто, — когда он спустился в крипту,

где горела одинокая масляная лампа. Мэтр Корбен, дремавший на соломенном тюфяке, вскинулся при виде юноши с ношей.

— Ты обезумел, — сказал он без особого удивления. — Она жива. Это не вскрытие, это убийство.

— Она всё равно умрёт, — ответил Гийом, и его голос был спокоен, словно он говорил о погоде. — Через час, через два. Если я сейчас не вмешаюсь, Скверна пожрёт её до конца. Но если я увижу, как она устроена... если прослежу, куда тянутся нити...

— Ты погубишь свою душу.

— Моя душа уже там, — Гийом кивнул на тело девушки, по которому, видимые только ему, ползли багровые пути.

Корбен помолчал. Затем встал и сам положил инструменты на столик — молча, без единого упрёка. В его глазах читалось странное смешение ужаса и гордости. Так отец смотрит на сына, превзошедшего его в грехе.

Гийом взял скальпель. Остриё коснулось вспухшего бубона на шее Клэр, и в тот же миг нити Скверны содрогнулись, словно змеи, почуявшие опасность. Комнату наполнил низкий, неслышимый ухом гул — вибрация на границе реальностей. Юноша надавил. Кровь, смешанная с сукровицей, брызнула ему на пальцы. Пахло не только гнилью — пахло озоном, как перед грозой, и ещё чем-то сладковатым, наркотическим.

— Она не хочет уходить, — прошептал он, глядя, как багрянец концентрируется вокруг лезвия. — Оно живое. Оно сопротивляется.

— Режь быстрее, — выдохнул Корбен. — Или оно уйдёт вглубь.

Дальнейшее Гийом запомнил урывками. Лезвие скользило, рассекая кожу и мышцы с чудовищной точностью, дарованной не опытом, а иступлением. Он не чувствовал ни страха, ни сомнений — только жгучую, всепоглощающую жажду добраться до сердца Скверны. И когда он раздвинул края раны и увидел пульсирующий узел багряных нитей, вплетённых прямо в аорту, он понял: вот оно.

Его пальцы сомкнулись на этом сгустке. Холод — такой лютой, что обжёт до кости — пронзил руку. Девушка в последний раз вздохнула и затихла. А Гийом, отшатнувшись, упал на колени, и в его ладони трепетало, сжимаясь, нечто похожее на клубок мокрого шёлка, исторгающий слабый, потусторонний свет.

— Я вырвал его, — сказал он, глядя в никуда. — Я могу вырывать его. Я могу исцелять.

Корбен, бледный как полотно, перекрестился слева направо, что было совершенно не свойственно ему, и прошептал:

— Ты не исцелил её. Ты убил её, чтобы добыть трофей. Она мертва, Гийом.

Но Гийом его почти не слышал. Он смотрел, как багряный клубок в его руке медленно истает, оставляя на коже маслянистый след. В голове его, как далёкий колокольный звон, звучала одна-единственная мысль: «Я видел врага. И теперь я знаю, как он выглядит. Я найду способ. Я избавлю человечество от Скверны, даже если для этого придётся вскрыть каждый живой сосуд».

На рассвете тело Клэр тайно вынесли за стену и бросили в общую яму, списав смерть на чуму. Никто не заметил пропажи, никто не задавал вопросов. А в крипте, на столике, рядом с окровавленными инструментами, лежал клочок пергамента, на котором рукой Гийома было начертано первое в его жизни анатомическое описание «Поветрия». Заканчивалось оно фразой, ставшей девизом всей его будущей жизни:

«Болезнь — не кара Божия. Болезнь — это хищник. И я стану хищником для неё».

С этого дня он перестал быть послушником Гийомом. Человек, вышедший из крипты с восходом солнца, был уже не совсем человек. В его глазах поселился холодный, расчётливый огонь, а движения обрели ту плавную, почти церемониальную точность, которую впоследствии

сотрудники Фонда будут описывать как «пугающую профессиональную учтивость». Он больше не молился — он планировал.

Так начался долгий путь Чумного доктора.

ГЛАВА 2. ПЕРВОЕ ВСКРЫТИЕ

Пепел остывал медленно. Той ночью на восточном склоне холма, за оливковой рощей, могильщики жгли зачумлённые тюфяки и одежду умерших, и горький дым стелился по земле, смешиваясь с апрельским туманом. Гийом стоял на крепостной стене аббатства, глядя на оранжевое зарево, и думал о том, что запах горящей парусины почти не отличается от запаха горячей плоти. Внизу, во дворе, братья-монахи тянули заупокойную, и их голоса звучали приглушённо, точно доносились из-под воды.

Прошло три дня после смерти Клэр. Три дня, в течение которых Гийом почти не спал. Он ходил, выполнял послушания, склонял голову перед капелланом, но внутри него работал механизм, не имеющий отношения к молитве. Каждую свободную минуту он проводил в крипте, склонившись над тем, что осталось от извлечённого из девушки сгустка. Мэтр Корбен называл это «субстанцией», шупал пинцетом, капал на неё уксусом, пытался разглядеть в самодельную линзу. Но видел лишь обычную органическую массу — дряблую, быстро разлагающуюся. А Гийом видел иное.

Субстанция не умирала. Когда он смотрел на неё своим особым зрением — тем, что открылось после болезни, — она продолжала мерцать. Слабо, едва-едва, но пульсация сохранялась даже спустя трое суток после извлечения. Более того: она росла. Медленно, микроскопически, но росла. Тянула из воздуха нечто, недоступное обычному восприятию, и наращивала массу, словно грибница в сыром подвале.

— Оно питается не плотью, — сказал Гийом наставнику на исходе третьей ночи. — Плоть — лишь перчатка, в которую оно одевается. Ему нужно что-то иное. Возможно... страдание. Возможно, душа.

Корбен, протиравший инструменты тряпицей, смоченной в спирте, замер.

— Ты хочешь сказать, что чума — это не болезнь, а тварь? Живое существо?

— Я хочу сказать, что это паразит, которому нет названия в медицинских трактатах. Оно не передаётся воздухом. Оно... выбирает. Вы замечали, мэтр? В одной семье умирают все, а в соседней — ни одного. И никакие предосторожности не помогают. Потому что дело не в заразных миазмах. Дело в том, что эта тварь видит. У неё есть подобие разума.

Последние слова он произнёс шёпотом, почти беззвучно. Корбен опустился на табурет, вытирая руки, и долго молчал. Его лицо, и без того изрезанное морщинами, теперь казалось маской усталой обречённости.

— Ты понимаешь, что если хоть слово об этом выйдет за пределы этой крипты, нас сожгут? Не за вскрытия — это мелочь. За ересь. Ты отрицаешь Божью кару и предлагаешь вместо неё какую-то адскую тварь. Церковь не потерпит такой конкуренции.

— Я не отрицаю Бога, — Гийом покачал головой. — Я говорю, что Бог тут ни при чём. Он оставил этот мир. Или отвернулся. И теперь здесь хозяйничает нечто иное. Я видел это. Я держал это в руках.

Он поднял ладонь. На подушечках пальцев всё ещё виднелись тёмные разводы — следы маслянистой субстанции, которую не брал ни щёлок, ни спирт.

— Завтра ночью я повторю операцию.

Корбен вскинул голову.

— Ты безумец. Кого ты будешь вскрывать на этот раз?

Гийом не ответил. Но ответ был ясен обоим.

В больницу поступил ещё один умирающий. Старый бочар по имени Жак-Кривой — его называли так за выбитый в драке глаз. Он был из тех, кого смерть забирала неспешно, смакуя: чума у него шла по лёгочному пути, и он кашлял кровью уже шестой день, но всё не умирал, цепляясь за жизнь с упрямством старого пса. Монахини боялись к нему подходить — лёгочная чума считалась самой заразной. Даже капеллан не шёл к его ложу, бросая святыне дары чуть ли не через порог.

Гийом выбрал его.

Ночью, когда луна встала высоко и аббатство погрузилось в сон, он вошёл в палату. Свечи здесь не зажигали из страха перед пожаром, но света луны, лившегося сквозь высокое стрельчатое окно, хватало. Бочар лежал на спине, прикрытый рваной дерюгой, и дышал тяжело, с булькающим присвистом. Когда Гийом приблизился, его единственный глаз открылся и уставился на юношу с выражением, в котором мешались боль и удивление.

— Ты... тот самый парень, что переболел и выжил? — прохрипел он, облизывая сухие губы.

— Да, — Гийом сел на корточки у тюфяка. — Я тот самый.

— Говорят, ты касался Клэр, дочки булочника, перед её смертью. И она умерла тихо. Без криков.

— Да.

— Сделай так со мной, — прохрипел Жак. — Я устал харкать кровью. Хочу тишины.

Гийом посмотрел на него. Скверна внутри старого бочара разрослась колоссально. Она оплела лёгкие плотным коконом, пустила метастазы в сердце, в желудок, в мозг. Она светилась зловещим, ровным светом, словно угли под слоем пепла. Это был не просто паразит — это была зрелая, разумная колония.

— Я дам тебе тишину, — сказал он. — Но не так, как ты думаешь.

Жак не ответил. Его веко опустилось — не то он потерял сознание, не то провалился в полудрёму.

Гийом вынул из-под рясы инструменты, завернутые в промасленную тряпицу. Те самые, которыми он вскрывал Клэр. Он разложил их на полу: скальпель с костяной рукоятью, два пинцета, тонкую пилу для рёбер и пузырёк с настойкой опиума — Корбен научил его дозировать снотворное, чтобы пациент не кричал.

Он влил несколько капель в рот умирающего. Подождал. Дыхание стало ровнее.

Затем он откинул дерюгу и замер.

Скверна реагировала на него. В прошлый раз, с Клэр, он был слишком потрясён, чтобы заметить, но теперь, наученный опытом, он увидел: багряные нити дрогнули и потянулись в его сторону, едва он склонился над телом. Они ощупывали воздух, словно щупальца слепого существа. Изучали его. Узнавали.

— Ты чувствуешь меня, — прошептал Гийом, чувствуя, как холод бежит по спине. — Ты знаешь, что я здесь.

Он коснулся скальпелем кожи бочара — чуть ниже рёбер, где, по его наблюдениям, гнезился центральный узел колонии. Плоть поддалась легко, словно гнилая ткань. Крови почти не было. Зато был свет.

Из разреза ударило багряное сияние — слабое, едва видимое обычным глазом, но Гийому оно показалось ослепительным. Оно пульсировало в такт сердцебиению бочара, и каждый удар сердца гнал по нитям волны дрожи. Скверна осознала вторжение. И начала контратаку.

Первое, что почувствовал Гийом — резкая боль в висках. словно кто-то вогнал ему в голову раскалённую спицу. Затем — видение. Не сон, не галлюцинацию, а именно видение, яркое и неумолимое, как явь. Он увидел себя со стороны — стоящим на коленях в крипте, с руками по локоть в крови. Увидел Корбена, который тянул к нему скрюченные пальцы и кричал

без звука. Увидел огонь, пожравший аббатство, и толпу с факелами, и костёр на площади, и себя — привязанного к столбу.

— Убирайся, — произнёс голос у него в голове. Голос не человеческий. Даже не звериный. Так могла бы говорить сама гниль, если бы обрела дар речи. — Убирайся, или я выжгу тебе разум.

Гийом стиснул зубы. Боль была чудовищной, но в сердце его горел огонь сильнее боли. Он пришёл сюда не затем, чтобы отступить.

— Ты боишься меня, — сказал он вслух, и не узнал своего голоса: он стал ниже, глубже, словно в гортани поселился кто-то другой. — Ты убила сотни людей, но боишься одного мальчишки. Почему?

Видение дрогнуло. Огонь, толпа, костёр — всё пошло рябью, как отражение в потревоженной воде. И тогда Гийом увидел правду.

Скверна не была самостоятельным существом. Она была частью чего-то большего. Огромного, раскинувшегося за пределами мира, как чёрное солнце, висящее над бездной. Она питалась, росла, размножалась, но вся её сила бралась из этого источника — далёкого, невообразимо чуждого, но при этом странно знакомого. И источник этот... знал Гийома.

— Ты видишь меня, — прошептал Гийом, и слова эти были обращены не к паразиту в теле бочара, а к тому, что стояло за ним. К тому, кто смотрел из бездны.

В ответ он слышал смех. Беззвучный, но пробирающий до костей. Не насмешку — приветствие.

Видение оборвалось. Боль ушла так же внезапно, как появилась. Гийом обнаружил, что стоит на коленях в луже крови, его рука всё ещё сжимает скальпель, а на лезвии, извиваясь, корчится багряный жгут — тот самый, который он вырезал из лёгкого бочара. Операция, которую он не помнил, была завершена. Разрез проходил по всей грудной клетке, рёбра были раздвинуты, лёгкие обнажены. Но он не помнил, как делал всё это. Его руки двигались сами.

Жак-Кривой был мёртв. Но мёртв он был иначе, чем Клэр. Лицо его не застыло в гримасе страдания — напротив, оно казалось умиротворённым, почти счастливым. А в груди его зияла пустота, из которой Гийом извлёк паразита целиком, не оставив ни единой нити.

Он посмотрел на извивающийся жгут в своей руке. Тот медленно угасал, теряя багряный цвет, становясь просто куском дохлой органики. Но прежде чем погаснуть окончательно, он издал тот самый неслышимый гул, который Гийом уже слышал раньше. Гул, похожий на далёкое пение.

— Я вырезал тебя, — сказал юноша, роняя жгут на пол. — Я могу вас вырезать.

До рассвета оставалось два часа, когда Гийом добрался до крипты. Мэтр Корбен не спал — ждал. Увидев юношу, перепачканного кровью, с безумным, лихорадочным блеском в глазах, он отступил на шаг, и рука его непроизвольно потянулась к кресту, висевшему на груди.

— Что ты сделал? — спросил он. — Что ты сделал на этот раз?

— Я говорил с ними, — ответил Гийом. — С тем, что стоит за чумой. Оно знает меня. Оно признало меня. И оно боится.

Он медленно опустился на пол, привалившись спиной к холодному камню. Его трясло — не от холода, не от страха, а от колоссального, почти непереносимого возбуждения.

— Я думал, что я просто могу видеть их, — продолжал он, глядя в потолок невидящими глазами. — Но это не так. Я могу с ними говорить. Я могу их касаться. И они не могут коснуться меня в ответ — во всяком случае, не так, как касаются обычных людей. Я неуязвим для них, мэтр. Я — исключение.

Корбен медленно опустился на табурет. Его руки тряслись сильнее, чем у Гийома.

— Ты понимаешь, что это значит? — проговорил он. — Если ты прав... если всё, что ты говоришь, правда... то ты — не человек. Ты не просто переболел чумой. Ты стал чем-то иным. Чем-то, чего Скверна не может коснуться. Но тогда... — он осёкся.

— Что — тогда?

— Тогда почему ты уверен, что ты всё ещё на стороне людей?

Вопрос повис в воздухе. Гийом не ответил. Потому что ответа у него не было. В ту ночь, в крипте, под старой часовней, он впервые задумался о том, что его дар — не благословение. И не проклятие. Это что-то третье. Что-то, чему ещё не придумали названия.

Он поднял руки и посмотрел на свои ладони. Кровь уже запеклась, образуя тёмную корку. Но сквозь неё, если всмотреться, проступал слабый, едва заметный багряный отблеск. Его собственная кровь начинала светиться тем же светом, что и Скверна.

— Я на стороне исцеления, — сказал он наконец. — Чего бы это ни стоило.

С этими словами он поднялся, подошёл к столу и взял чистый лист пергамента. Обмакнув перо в чернила (обычные, железно-галловые), он начал писать. Не молитву, не покаяние, не дневник. Он писал трактат.

«*De Peste et Pestilentia Substantia*» — «О Чуме и Чумной Субстанции». Первая страница будущего Кодекса, который спустя века попадёт в архивы Фонда под грифом «Уровень 4/049». Того самого Кодекса, который исследователи будут расшифровывать годами, споря о значении каждого символа.

Закончив первую страницу, Гийом перечитал написанное. Почерк был неровным, но буквы ложились чётко, как удары молота по наковальне:

«Поветрие не есть хворь в обыкновенном понимании сего слова. Оно есть сущность, пришедшая извне пределов, положенных человеку. Оно вселяется в тело и претворяет оное в сосуд для своего произрастания. Оно обладает подобием разума, хотя и чуждого нашему. Оно питается страданием, страхом и смертью. И оно боится. Боится того, кто способен видеть его истинный облик. Боится того, кто способен прикоснуться к нему голой рукой и не погибнуть. Боится меня».

Он задумался, прежде чем поставить последнюю точку. Затем приписал внизу:

«Отныне я — хирург Поветрия. И клянусь: я найду корень этой заразы в самом её источнике, и я выжгу его дотла».

Корбен, читавший через его плечо, перекрестился — на этот раз правильно, слева направо.

— Ты либо святой, либо антихрист, — произнёс он. — И я не знаю, что из этого страшнее.

— Я ни то, ни другое, — ответил Гийом, посыпая пергамент песком, чтобы просушить чернила. — Я просто врач.

Снаружи, над крышами аббатства, начинал брезжить рассвет. Серый, туманный, не обещающий ничего хорошего. Но для Гийома этот свет был первым днём его новой жизни. Жизни, в которой он больше не принадлежал ни Богу, ни людям. Жизни, посвящённой единственной цели — войне с невидимым врагом.

Он ещё не знал тогда, что война эта растянется на столетия. Что ему предстоит увидеть города и эпохи, которых ещё не существует. Что его имя исчезнет из всех человеческих хроник, а сам он станет лишь номером в бесконечном каталоге паранормального. Что его будут называть «SCP-049» и «Чумной доктор», что его запрут в камере, что его будут бояться и изучать. Он не знал ничего этого.

Но одно он чувствовал уже тогда, в то апрельское утро 14-го года Великого Мора: путь, на который он ступил, не имеет конца.

ГЛАВА 3. МАСКА ИЗ КОЖИ И ВОСКА

Донос написали после смерти Жака-бочара. Гийом узнал об этом не сразу — новости в аббатстве распространялись особым путём, через шёпоты в трапезной, через многозначительные взгляды, через внезапно оборванные разговоры при его появлении. Сперва он не придал значения: братья и раньше сторонились его, считая не то отмеченным благодатью, не то запятнанным близостью к смерти. Но потом отец-эконом, ведавший монастырским хозяйством, перестал выдавать ему свечи для вечерних бдений. А брат-привратник, прежде здоровавшийся хотя бы кивком, теперь отводил глаза и бормотал молитву всякий раз, когда Гийом проходил мимо.

— Они что-то пронюхали, — сказал Корбен на восьмой день после операции. Они сидели в крипте при свете единственной масляной плошки; хирург методично затачивал инструменты на мелкозернистом камне, и звук этот — размеренный, скрежещущий — действовал Гийому на нервы сильнее, чем самые страшные мысли. — Кто-то видел, как ты выносишь тело из палаты. Или кто-то заметил, что тебя нет в келье в ночные часы. В любом случае, слух уже пополз. Скоро он доползёт до капитула, а оттуда — до святой инквизиции.

— У нас есть доказательства, что я действовал во благо? — спросил Гийом, хотя уже знал ответ.

— Никаких. Труп старого Жака брошен в общую могилу без надлежащего обряда, но это спишут на спешку во время мора. Труднее будет объяснить, почему после твоего дежурства тела умерших имеют следы порезов. И почему из больницы пропадают хирургические инструменты.

Гийом опустил голову. Он не чувствовал вины — только глухую, тягучую досаду. Только теперь, когда до него начал доходить смысл неизбежного, он понял, сколь многого не успел. Трактат насчитывал всего одиннадцать страниц. У него было всего два образца субстанции — та, что он извлёк из Клэр, уже окончательно разложилась, а новый, из Жака, хранился в баночке с уксусом и терял активность с каждым часом. Он не успел изучить связь между паразитом и его запредельным источником. Не успел разработать метод лечения — не убийства носителя, а именно лечения. Не успел понять, почему его собственное тело, переболев, стало неуязвимым для Скверны, и можно ли передать эту неуязвимость другим.

— Мне нужно ещё время, — произнёс он наконец. — Всего несколько месяцев.

— Времени нет, — Корбен отложил инструмент и выпрямился. — Завтра, максимум послезавтра, за тобой придут. Скорее всего, на утренней мессе, чтобы не поднимать шума. Тебя возьмут под стражу и отвезут в Страсбург, к епископальному суду. А там — допрос, пытки и костёр.

— Вы советуете бежать?

— Я советую тебе остаться в живых. Как — решай сам.

Гийом долго сидел молча. Пламя плошки колебалось, отбрасывая на стены крипты причудливые тени — они плясали, как грешники в аду. Где-то наверху, в часовне, слышались шаги: монахи собирались на полунощницу. Их пение доносилось приглушённое, точно через толщу воды.

— Если я убегу, — сказал Гийом, — меня объявят еретиком и колдуном. Всё, что я делал, истолкуют как дьявольские козни. Истина, которую я добыл, погибнет вместе со мной, даже если я спасу шкуру.

— Истина не погибнет, — возразил Корбен. — Ты запишешь её. Все свои наблюдения, все выводы, все догадки — всё, что здесь, — он постучал пальцем по пачке пергаментов на столе, — унесёшь с собой. А если не сумеешь унести — спрячешь. Когда-нибудь люди дорастут до этого знания. Не сейчас, не через сто лет — но дорастут. Твоё дело сейчас — выжить, чтобы продолжить работу. Где угодно. В лесах, в горах, в чужой стране. Но продолжить.

— А вы?

Корбен усмехнулся — невесело, одними краями губ.

— Я стар, Гийом. Мне не убежать далеко. Если меня схватят, я скажу, что ты морочил мне голову дьявольскими речами и что я проклиная день, когда пустил тебя в свою крипту. Может, это смягчит приговор. А может, и нет. В любом случае, мой путь почти пройден, твой — только начинается.

Гийом встал и подошёл к наставнику. Опустился на одно колено — не как слуга, а как ученик перед учителем, отдающий последнюю дань уважения.

— Я отплачу вам, — сказал он. — Не знаю как, но отплачу. Ваше имя не будет забыто.

— Забудь моё имя, — резко сказал Корбен. — Забудь вообще все имена. Спрячь свою человеческую суть так глубоко, чтобы никто не мог до неё докопаться. Ты больше не послушник Гийом из Эльзаса. Ты — никто. Ты — тень. Ты — инструмент. И если инструмент хочет работать, он не должен привлекать к себе внимания.

Он поднялся, прошёл в дальний угол крипты, где стоял грубо сколоченный сундук, и, покопавшись, извлёк оттуда свёрток из промасленной ткани.

— Вот, — он бросил свёрток на стол перед Гийомом. — Я готовил это для себя, на случай, если придётся скрываться от инквизиции. Но тебе оно нужнее.

Гийом развернул ткань. Внутри лежала маска.

Она была сделана из толстой, грубо выделанной кожи, вываренной в воске для водонепроницаемости, и напоминала птичий клюв — длинный, загнутый книзу, с прорезями у основания для дыхания. Внутри клюва обнаружился маленький отсек, заполненный сухими лепестками и травами — лаванда, розмарин, гвоздика, шалфей, — источавшими сильный, пряный аромат.

— Чумная маска, — пояснил Корбен. — Такие носят врачи в Милане и Венеции. Говорят, травы очищают воздух от заразы. Может, и так, но главное в другом: в такой маске тебя никто не узнает. Ты будешь не человеком, а символом. Все будут видеть только маску — не лицо под ней.

Гийом взял маску в руки. Кожа была холодной и чуть влажной от воска. Клюв топорщился вперёд, придавая маске хищное, почти inferнальное выражение. В прорезях для глаз темнела пустота.

— Примерь, — велел Корбен.

Гийом поднёс маску к лицу. Она пахла травами и чем-то ещё — слабым, едва уловимым запахом, похожим на запах старой кожи, долго лежавшей без дела. Он прижал её к щекам, затянул ремешки на затылке, и мир сузился до двух тёмных прорезей.

— Ну вот, — голос Корбена звучал глухо, словно между ними встала стена. — Теперь ты не Гийом. Теперь ты — Чумной доктор.

Что-то произошло в этот миг. Гийом не сразу осознал, но потом ощутил: маска не просто закрывала лицо. Она меняла его. Кожа на скулах и лбу начала теплеть, покалывать, словно в неё впились сотни мелких иголок. Воск размягчался, подстраиваясь под форму черепа, кожа съёживалась, прилегая к порам так плотно, будто становилась второй кожей. Вернее — первой. Заменяя ту, что была дана от рождения.

Он попытался снять маску и не смог. Ремешки, завязанные на затылке, не поддавались — они срослись с волосами, сплелись в единый узел.

— Мэтр... — прохрипел он, и голос его изменился: сквозь травы и воск он звучал ниже, глубже, иначе. — Что это? Что вы мне дали?

Корбен подошёл ближе и всмотрелся в прорези маски. Его лицо побелело.

— Я не знал, — произнёс он шёпотом. — Клянусь, не знал. Это просто кожа... просто воск... Обычная маска, я купил её у бродячего лекаря. Что она с тобой делает?

— Она вращает, — ответил Гийом, и в его голосе, против собственной воли, прорезались нотки паники. — Она становится мной.

Он схватился за края маски, потянул изо всех сил. Кожа на лице натянулась, но не поддалась. Боль была острой, словно он пытался содрать с себя собственное лицо. И в этой боли было что-то странное — почти приятное. Словно тело говорило: «Оставь. Так правильно. Так задумано».

— Скверна, — выдохнул он, опуская руки. — Это Скверна. Она не боится меня... она приспосабливается. Меняет меня под себя.

Но почти сразу он понял, что ошибся. Маска не имела отношения к Скверне. Она была чем-то иным — нейтральным инструментом, который просто активировал то, что уже спало в его крови с тех пор, как он переболел чумой. Его тело и до этого менялось — ладони светились багряным, сны были чужими, мысли иногда текли не по-человечески. Маска лишь ускорила процесс.

Он опустился на табурет и долго сидел, прислушиваясь к ощущениям. Маска перестала жечь. Теперь она казалась частью лица — такой же неотъемлемой, как нос или губы. Он чувствовал её изнутри: каждую неровность воска, каждую нитку грубой прошивки, каждую сухую травинку в клюве. Она дышала вместе с ним.

— Так даже лучше, — сказал он наконец. — Вы правы, мэтр: теперь меня никто не узнает. И я никогда не сниму эту маску. Она станет моим лицом. Единственным лицом.

Корбен, всё ещё бледный, молча кивнул.

Оставшиеся часы до рассвета они потратили на сборы. Гийом упаковал трактат в промасленную ткань, сложил инструменты в холщовый мешочек, взял пузырёк с образцом субстанции — всё, что осталось от Жака-бочара. Корбен дал ему немного серебра, краюху хлеба, флягу с разбавленным вином и карту, нарисованную от руки на куске телячьей кожи, — путь через леса к Рейну, к переправе у Базеля.

— Там сядешь на баржу до Кёльна, — наставлял хирург. — В Кёльне найдёшь квартал врачей, у реки. Спросишь цирюльника по имени Генрих-шваб, он мой старый знакомый. Скажешь, что от Корбена, он приютит на первое время. А потом — решай сам.

— Я не поеду в Кёльн, — ответил Гийом. — Там нет чумы.

Корбен осёкся.

— То есть как?

— Там нет Скверны, — объяснил Гийом. — Я найду места, где она свирепствует, и пойду туда. Не отсиживаться, не прятаться — работать. Чем больше я изучу её в разных проявлениях, тем ближе подберусь к разгадке.

— Ты сошёл с ума. С этой маской на лице тебя не пустят ни в один город.

— Значит, я пойду туда, куда другие боятся заходить.

Корбен хотел возразить, но передумал. Он уже понял: спорить с Гийомом — всё равно что спорить с чумой. Лучше просто принять его выбор и надеяться на лучшее.

На рассвете, перед тем как колокола зазвонили к утрени, Гийом выбрался из крипты через старый дренажный ход, ведущий за стену аббатства. Он прополз по узкому каменному жёлобу, обдирая локти и колени, вывалился в заросли крапивы на внешней стороне холма и, не оглядываясь, зашагал на восток, в сторону леса.

Солнце только начинало подниматься над Вогезами. В его свете чумная маска отбрасывала длинную уродливую тень — птичью, хищную. Крестьяне, работавшие на дальних полях, увидев одинокую фигуру в чёрном, спешили убраться подальше, крестились и плевали через плечо.

Гийом не обращал на них внимания. Он думал о Скверне. О том, что видел в последнем видении, когда вскрывал Жака. О чёрном солнце над бездной. О смехе, похожем на привет-

ствие. О том, что где-то там, за пределами человеческого восприятия, существует источник всей этой заразы, и этот источник знает его имя.

И ещё он думал о том, что маска на его лице, которая теперь уже никогда не будет снята, — это не просто защита от людских глаз. Это символ. Знак. Печать. Что-то, что связывает его с тем самым чёрным солнцем сильнее, чем ему хотелось бы.

Но выбора не было. Он сделал шаг — и дорога легла под ноги. Дорога длиной в столетия.

Через несколько часов после его побега в аббатство прибыли люди епископа. Они обыскали кельи, допросили братию, спустились в крипту, которую им указал перепуганный привратник. Там их встретил мэтр Корбен — один, спокойный, с чётками в руках. На вопросы он отвечал коротко: да, здесь жил беглый послушник Гийом, да, занимался непотребными вещами, да, он, Корбен, по слабости духа потакал ему и теперь готов понести заслуженную кару.

— Где он теперь? — спросил старший дознаватель.

— Не знаю, — ответил Корбен, не покрывив душой, потому что и вправду не знал, куда именно направился его ученик.

Его связали и увезли в Страсбург, где через две недели он взошёл на костёр как пособник колдуна. Перед смертью ему предлагали назвать настоящее имя беглеца, чтобы проклясть его с амвона и начать охоту по всей империи. Но Корбен лишь покачал головой.

— У него больше нет имени, — сказал он. — А если и есть — оно не для ваших языков.

С этими словами он умер, и дым от его костра смешался с весенним туманом, как смешивался когда-то с дымом чумных костров на холме за аббатством.

А Гийом — отныне безымянный — шёл через лес, и маска его, пропитанная воском и травами, желтела в лучах солнца, как старая кость.

ГЛАВА 4. СТРАНСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ

От составителя архивной записи Фонда SCP.

Нижеследующая глава реконструирована на основе фрагментов Кодекса 049, показаний, данных объектом во время интервью 049-1 и 049-7, а также анализа исторических документов, совпадающих по времени с предполагаемыми перемещениями SCP-049 в период с XIV по XIX век. Описания «исцелений» и создания SCP-049-2 являются интерпретацией самого объекта и не отражают объективной реальности. — Д-р Хэмм, отдел исторической аномалистики.

1.

Он перестал считать годы на пятнадцатом году странствий. Солнце восходило и заходило; зимы сменялись вёснами; города, через которые он проходил, вырастали, горели и вновь отстраивались — а он всё шёл. Чумная маска стала его лицом, и он уже не помнил, как выглядел до неё. В редкие минуты, когда он склонялся над водой, чтобы напиться, тёмная гладь отражала лишь клюв — длинный, желтоватый, с восковым отливом, и две глубокие глазницы, в которых, если приглядеться, можно было заметить слабое багряное мерцание.

Мир вокруг него менялся, но Скверна оставалась неизменной. Она приходила волнами — большими моровыми поветриями, которые люди называли Чёрной смертью, и малыми вспышками, которые выкашивали одну-две деревни и затихали. Гийом (а он всё ещё иногда

называл себя этим именем, когда оставался один) шёл по следу этих вспышек, как волк идёт по кровавому следу. Где громче всего звонили погребальные колокола — туда он и направлял свои стопы.

К концу первого десятилетия он выработал определённый порядок действий. Придя в зачумлённый город или деревню, он первым делом находил местного лекаря — или цирюльника, или повитуху, или кого-то, кто хоть как-то разбирался в хворях. Представлялся кратко: «Я Чумной доктор». Имени не называл. Маска и костюм (чёрный, пропитанный воском плащ до пят, высокие сапоги, широкополая шляпа) говорили сами за себя. В эпоху, когда чумные врачи были редкостью, а страх перед мором был сильнее страха перед императором, никто не задавал лишних вопросов. Его принимали — с опаской, с суеверным трепетом, но принимали.

Он требовал доступа к больным. И получал его.

Вот тут-то и начиналось самое трудное.

Его метод, выработанный ещё в крипте под аббатством, был прост: увидеть Скверну, добраться до её центрального узла и извлечь его. Но простота эта была обманчива. За пятнадцать лет он провёл десятки, если не сотни, операций — и ни одна не закончилась так, как он надеялся.

Пациенты умирали. Все до единого.

Поначалу он объяснял это несовершенством техники. Слишком глубоко сидит паразит. Слишком много кровопотери. Слишком поздно начали. Он записывал в трактат каждую операцию, подробно, с рисунками и схемами, ища закономерность. Но закономерность была одна: Скверна, будучи извлечённой из живого тела, оставляла после себя пустоту, которую организм не мог заполнить. Человек угасал за несколько минут — тихо, без криков, словно свеча, из которой вынули фитиль.

— Я убиваю их, — сказал он однажды вслух, сидя в пустом сарае под Нюрнбергом, куда его пустили переночевать местные крестьяне. — Я убиваю их так же верно, как сама чума.

Но тут же его рассудок, уже начавший менять свои очертания, выдвинул спасительное возражение: *«Нет. Ты не убиваешь. Ты освобождаешь. Скверна убила их в тот миг, когда вошла в тело. То, что остаётся после неё, — уже не человек, а ходячий сосуд. Ты лишь прекращаешь бессмысленное страдание. А извлекая паразита, ты наносишь урон самой Скверне — лишаешь её пищи, вырываешь из её пасти добычу. Каждый умерший на твоём столе — это минус один источник силы для чёрного солнца. Ты не лекарь. Ты — хирург на войне».*

Это объяснение — ложное, безумное, но внутренне стройное — успокоило его. И стало фундаментом для всего последующего.

2.

В 1363 году он пересёк Альпы и спустился в Италию. Чума там была повсюду: Венеция, Флоренция, Милан — города задыхались в тисках мора. Именно в Милане, в квартале красильщиков, он впервые столкнулся с тем, что позже назовёт «пробуждением пациента».

Это был молодой мужчина, кожевенник по имени Паоло. Он умер от бубонной формы — классической, без лёгочных осложнений. Гийом, как обычно, вскрыл бубон, отследил нити Скверны, добрался до узла и извлёк его. Паоло умер на столе — и тут же открыл глаза.

Гийом отшатнулся. Паоло сел — рывком, без участия мышц, словно кукла, которую дёрнули за нитку. Его глаза, ещё минуту назад затуманенные агонией, теперь горели ровным багряным светом — тем самым, который Гийом видел только у Скверны. Он смотрел прямо перед собой, не мигая, не дыша.

— Ты, — произнёс он. Голос был чужим — глухим, лишённым интонаций, идущим словно из глубины колодца. — Ты освободил вместилище.

Гийом не ответил. Он смотрел, замороженный ужасом и восторгом. Паоло больше не был носителем Скверны. Но он не был и мёртвым в обычном смысле. Его тело осталось целым, даже разрез на шее затянулся, оставив лишь тонкий багровый рубец. А внутри, в грудной клетке, где только что зияла пустота, теперь пульсировал новый источник света — не багряный, а какой-то нейтральный, серый. Словно Скверна, уходя, оставила вместо себя некий оттиск. Или скорее — инструмент.

— Что ты такое? — спросил Гийом.

— Моё вместилище звалось Паоло, — ответило существо. — Паоло больше нет. Я — то, что осталось. Я пустота, которой дали форму. Я твой. Распоряжайся.

Гийом медленно подошёл ближе. Он чувствовал, что это создание связано с ним — той же багряной нитью, какой Скверна была связана со своим чёрным солнцем. Только здесь он был не жертвой, а... хозяином?

— Ты можешь двигаться? — спросил он.

Существо кивнуло.

— Тогда встань.

Паоло — или то, что было Паоло, — встал. Движения его были дёргаными, неестественными, но послушными. Он стоял и ждал приказа.

Гийом понял: он создал слугу. Не исцелил человека — создал инструмент. Очередной шаг в сторону от человечности. Но вместе с ужасом пришло и странное, почти эйфорическое чувство могущества. Если он может создавать таких слуг, он может делать больше. Может проникнуть туда, куда одинокому страннику вход закрыт. Может получить доступ к тайнам, которые Скверна прячет от него.

— Отныне ты будешь моим ассистентом, — сказал он. — Я назову тебя... Первый.

Так появился первый SCP-049-2.

3.

За следующие два столетия он создал их множество. Одни получались лучше, другие хуже; одни существовали неделями, другие разваливались через несколько часов. Он экспериментировал, записывал, сопоставлял. Из его записей следовало, что для успешного «пробуждения» требовалось несколько условий: тело должно быть свежим (не более трёх часов после смерти), смерть должна наступить от чумы (только чума, никакие другие болезни не давали эффекта), и, главное — операция должна быть проведена им лично, его руками, с его уникальным даром видеть Скверну.

В середине XV века он попытался научить своему методу других. В Праге, где он задержался на несколько лет, к нему прибилась молодой медик из Карлова университета — некто Ян, горячий поклонник запретной анатомии. Гийом впервые за долгое время снял маску в присутствии другого человека (кожа под ней к тому времени стала неестественно бледной, почти прозрачной, с проступающей сетью сосудов) и попытался объяснить Яну, что такое Скверна и как её видеть.

Ничего не вышло. Ян не видел ни нитей, ни узлов, ни багряного свечения. Он просто резал плоть — и его пациенты умирали, не воскресая. Через три месяца бесплодных попыток Ян сбежал, оставив Гийому записку, в которой называл его «колдуном и сыном дьявола». Гийом прочёл, сжёг записку и больше никогда не пытался брать учеников.

Одиночество стало его постоянным спутником. Впрочем, у него были ассистенты — безмозглые, послушные, лишённые воли, — но они не могли заполнить пустоту, которая росла в нём с каждым годом. Он шёл через Европу, как призрак, — через войны, через костры инквизиции, через Реформацию и Возрождение. Его видели то там, то здесь: высокий человек в чёрном, с длинным птичьим клювом, в сопровождении двух-трёх молчаливых слуг с багровыми

глазами. Крестьяне рассказывали о нём сказки; художники (Брейгель, Гольбейн) запечатлевали его облик в своих аллегориях смерти; городские хроники упоминали «чёрного лекаря», появившегося накануне моровых поветрий.

Он и сам заметил эту закономерность: Скверна часто вспыхивала там, куда он приходил. Поначалу он думал, что идёт по её следу. Но к концу XVI века, проанализировав сотни записей, он пришёл к пугающему выводу: не он идёт за чумой. Чума идёт за ним.

Словно Скверна — та её часть, что обладала разумом, — подстраивалась под его маршрут. Или, наоборот, он сам, не осознавая, шёл к ней, притягиваемый невидимым магнитным полем.

— Мы связаны, — сказал он однажды своему ассистенту (на тот момент им был человек по имени Грегор, бывший кузнец из Магдебурга). — Я и она. Я думал, что охочусь на неё. Но может статься, что и она охотится на меня. Или... мы охотимся вместе.

Грегор не ответил. Он вообще редко говорил.

4.

Время размывало границы его памяти. Он уже не мог точно сказать, сколько ему лет. Внешне он почти не менялся: то ли маска замедляла старение, то ли сама его природа, изменённая перенесённой чумой, перестала подчиняться законам человеческой биологии. Он помнил Эльзас, Корбена, крипту, но эти воспоминания казались принадлежащими другому человеку. Тому, кто когда-то звался Гийомом и кто давно умер — не физически, но морально.

К началу XVIII века трактат «О Чуме и Чумной Субстанции» разросся до трёхсот страниц. Гийом возил его с собой в специальном кожаном футляре, обитом изнутри свинцом для защиты от сырости. В трактате содержались подробные описания всех известных ему форм Скверны, схемы её распространения, гипотезы о природе чёрного солнца и, главное, детальные протоколы извлечения паразита и создания ассистентов. Язык трактата к тому времени стал совершенно непонятен для обычного человека: Гийом изобрёл собственную терминологию, смесь латыни, старонемецкого и каких-то слов, которые он сам не мог объяснить, — они приходили к нему во сне, и он записывал их, не задумываясь о значении.

Одна страница, датированная примерно 1709 годом (даты он ещё иногда проставлял), гласила:

«Поветрие суть проекция Великой Сущности, обитающей вне круга мироздания. Имя ей — несть в человеческом языке. Однако аз, многогрешный, дерзнул нареци Её Мора-Матерь. Она не враг и не друг. Она — как садовник, сеющий семя. Мы же — поле. Исцеление же состоит не в том, чтобы выжечь семя, но в том, чтобы переделать поле так, дабы семя не могло пустить корней. Ассистенты мои суть прообразы Нового Человека — свободные от хвори, свободные от страстей, свободные от смерти, ибо смерть их уже свершилась. Грядущее Царство Исцелённых близится. Скоро. Очень скоро».

Этот фрагмент, попавший позже в руки аналитиков Фонда, будет классифицирован как свидетельство прогрессирующего мессианского бреда. Но сам Гийом в тот момент искренне верил в написанное. Он больше не считал себя просто врачом. Он был пророком. Предтечей нового человечества — свободного от Скверны, пусть даже ценой собственной души.

5.

Великая чума в Марселе 1720 года стала для него переломным моментом. Он прибыл в город на пике эпидемии, когда смертность достигала тысячи человек в день. Улицы были завалены трупами; живые прятались по подвалам; власти бежали. В этом хаосе Гийом развернул свою самую масштабную операцию.

За три месяца он создал более восьмидесяти ассистентов. Они передвигались по городу организованными группами, собирали умирающих и приносили их в импровизированную операционную, устроенную в заброшенном монастыре Святого Лазаря. Гийом работал почти без сна, переходя от одного тела к другому, извлекая узлы Скверны и пробуждая новых слуг. К концу эпидемии его армия насчитывала почти сотню существ — послушных, бессловесных, с багряными глазами.

Именно тогда его впервые заметили не только крестьяне и городские хроникёры, но и организации, предшествовавшие Фонду. В Марселе действовала тайная ложа, именовавшая себя «Братством Чистого Огня», — одна из многих групп, занимавшихся уничтожением аномальных проявлений до того, как это стало государственной политикой. Агенты Братства следили за Чумным доктором несколько недель, но не решались вмешаться: его армия была слишком велика, а страх перед чумой — слишком силён. Они лишь задокументировали всё, что видели, и отправили донесение в штаб-квартиру в Лионе. Этот документ, чудом сохранившийся в архивах, стал первым в истории письменным свидетельством об аномалии, позже классифицированной как SCP-049.

Вот выдержка из этого донесения (перевод со старофранцузского):

«...Онный Доктор носит маску птичью и говорит учтиво, но речи его суть безумны. Он утверждает, что чума не есть хворь, а вселение демона, коего можно изгнать лишь резекцией одного из плоти. Тех же, кого он оперирует, он лишает жизни, а затем поднимает из мёртвых, и они служат ему, как псы. Мы насчитали до сотни таких тварей. Вооружены они не были, однако всякий, кто пытался им препятствовать, был убит голыми руками. Доктор же взирал на сие с совершенным спокойствием, словно происходящее не касалось его персоны. Рекомендую: изолировать, пленить либо уничтожить. Медлить опасно» .

Но Братство не успело. Когда его агенты наконец решились на штурм монастыря Святого Лазаря, там уже никого не было. Чумной доктор и его армия исчезли так же внезапно, как появились, — растворились в лабиринте марсельских трущоб, а затем, вероятно, покинули город на рыбацкой барке. Куда он направился дальше, осталось неизвестным.

Следующие сто лет о нём не было почти никаких сведений. Лишь отдельные, разрозненные сообщения о «птичьем лекаре» появлялись то на Балканах, то в Трансильвании, то в южных губерниях Российской империи. Везде, где он проходил, вспыхивала чума. И везде после его ухода оставались странные существа — люди с багряными глазами, лишённые речи и разума, которые бродили по окрестностям, пока их не убивали местные жители или они сами не рассыпались в прах.

К середине XIX века Гийом окончательно утратил связь с человеческой хронологией. Он не знал, какой сейчас год. Не помнил имён королей и императоров. Не понимал, что такое паровая машина или электричество. Его мир сузился до трёх констант: Скверна, его трактат, его миссия. Всё прочее — города, люди, события — было лишь декорациями, меняющимися от эпохи к эпохе.

Он больше не называл себя Гийомом. Он был просто Доктор. Чумной доктор. Тот, Кто Исцеляет.

И он исцелял. В своём понимании этого слова.

6.

Примечание архивариуса Фонда:

*Следующая глава будет посвящена первому задокументированному контакту SCP-049 с организацией, известной ныне как SCP Foundation, а именно — обстоятельствам захвата

объекта в 1889 году в Трансильвании. Личность агента, осуществившего захват, засекречена. Материалы готовятся к публикации с грифом «Для внутреннего пользования, Уровень 3».*

ГЛАВА 5. ВРАТА В АЛАГАДДУ

Он пришёл в Карпаты в начале осени, когда буковые леса уже наливались багрянцем, а в ущельях по утрам стелился холодный, пронизывающий туман. Точного года он не знал — где-то между 1850 и 1860-м, судя по тому, что встреченные им селяне говорили о недавней войне между русским царём и турками. Впрочем, войны его не интересовали. Скверна — вот что вело его через перевалы и долины, через сёла с покосившимися церквушками, через чахлые поля, где крестьяне возделывали кукурузу на склонах гор.

Здесь, в восточных пределах Австрийской империи, чума приобрела странный, нетипичный характер. Она не распространялась волнами, как обычно; она сидела глубоко, словно заноза, в нескольких изолированных деревнях, не вспыхивая эпидемией, но и не угасая до конца. Гийом (он всё реже вспоминал это имя, но здесь, в горах, старые привычки вдруг ожили) наблюдал заражённых с возрастающим недоумением. Скверна в них была иной — словно затаившейся, выжидающей. Она не разрасталась, не убивала носителя, а медленно, в течение нескольких лет, замещала собой ткани, оставляя человека живым, но полностью подконтрольным.

— Она пасёт их, — сказал он однажды вечером своему ассистенту. — Как крестьянин пасёт овец. Ждёт чего-то.

Ассистент (это был Девятый из марсельской партии, прослуживший уже тридцать лет и начавший заметно ветшать) не ответил. Его багряные глаза тускло мерцали в сумерках.

Гийом разбил лагерь на опушке леса, над деревушкой под названием Виллава, и начал наблюдать. Деревня была маленькая — домов тридцать, не больше, — но каждый второй житель носил в себе Скверну. Не бубонную, не лёгочную, а какую-то новую, доселе не виданную форму: нити были тоньше, бледнее и тянулись не к сердцу или лёгким, а к голове. К мозгу.

— Это не чума, — записал он в трактате. — Это нечто иное. Ответвление. Или, возможно, изначальная форма, из которой развились все прочие.

К концу второй недели он заметил закономерность: каждую ночь некоторые жители выходили из домов и направлялись в горы. Не группой, а поодиночке, с интервалом в несколько минут. Шли они медленно, словно во сне, с открытыми глазами, но незрячими. Гийом проследовал за ними.

Тропа вела вверх, через буковый лес, к скалистому гребню, увенчанному развалинами какой-то древней постройки — не церкви, не замка, не дольмена. Скорее всего, римского сторожевого поста, перестроенного позже валахами. Под развалинами обнаружился вход в пещеру — узкий, почти незаметный среди зарослей.

Жители входили в пещеру и не возвращались до рассвета. Гийом, выждав несколько ночей, решил войти следом.

Пещера вела не в гору. Она вела куда-то ещё.

Гийом понял это почти сразу, едва миновал первый поворот и перестал видеть свет луны за спиной. Воздух изменился: он стал теплее, плотнее, насыщеннее — и в то же время неестественно неподвижным, словно в подземелье не было ни сквозняков, ни движения. Запахи исчезли. Звуки исчезли тоже — даже шаги его собственных сапог по камню больше не отдавались эхом, а тонули в плотной тишине, как в вате.

— Это место не принадлежит миру, — прошептал Гийом и не услышал собственного голоса. Слова вышли из его уст и тут же погасли, словно тишина пожирала их.

Он продолжал идти. Страх не было — только любопытство, холодное и всепоглощающее. То самое чувство, которое вело его всю жизнь, от первого вскрытия в крипте до сегодняшней ночи.

Туннель расширился. Камень под ногами сменился гладкой, словно оплавленной плиткой — чёрной с золотыми прожилками. Стены покрылись письменами. Не латинскими, не греческими, не кириллическими — знаками, которых Гийом никогда не видел, но которые почему-то казались ему смутно знакомыми. Будто значение их скрывалось где-то на дне его памяти, в том слое, что старше Эльзаса, старше монастыря, старше человеческой речи.

Он коснулся одного из знаков. И в тот же миг услышал голос.

— *Добро пожаловать, странник. Ты пришёл один, без приглашения. Это дерзко. Или глупо. Или — интересно.*

Голос не был обращён к слуху. Он звучал прямо в голове, минуя уши, и имел странный тембр — словно говорили несколько человек одновременно, но слова произносили с идеальной синхронностью.

— Кто ты? — спросил Гийом.

— *Тот, кто был здесь до тебя. И тот, кто будет после.*

Стена перед ним дрогнула и пошла рябью. Это был не камень — иллюзия, завеса, скрывавшая то, что находилось за ней. Когда рябь улеглась, Гийом увидел зал.

Огромный, циклопических пропорций, залитый призрачным жёлтым светом, источник которого невозможно было определить. Пол усеивали кости — не десятки, не сотни, а тысячи; целые скелеты, человеческие и нечеловеческие, лежали вповалку, словно на поле битвы. В центре зала возвышался трон.

На троне сидел человек.

Вернее, то, что когда-то было человеком. Фигура в лохмотьях, скелетообразно худая, с кожей, натянутой на кости, как пергамент на барабане. Голова была откинута назад, рот приоткрыт в беззвучном крике, глазницы пусты. Но самым страшным было другое: из спины сидящего выходила длинная, тонкая нить (такая же, как нити Скверны, только золотая, не багряная) и уходила вверх, к потолку, где терялась во мраке на такой высоте, которую даже свет не мог достичь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.